

*Посвящается 270-летию
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Е.А. СУХАНОВ

ВЕЩНОЕ ПРАВО

Научно-познавательный очерк

3-е издание, переработанное и дополненное

Москва – 2024

УДК 347.2/3
ББК 67.404.1
С91

Суханов, Евгений Алексеевич.

С91 Вещное право : научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2024. — 626 с.

ISBN 978-5-8354-1994-4 (в пер.)

В настоящей работе освещаются понятие, система и основные институты вещного права — основополагающей подотрасли гражданского (частного) права, все еще не получившей должного развития и законодательного оформления в действующем российском гражданском законодательстве. Анализируются как теоретические взгляды относительно права собственности и других вещных прав, так и их воплощение и развитие в отечественном праве, а также в правоприменительной практике. Значительное внимание уделено сравнительно-правовым аспектам рассматриваемой проблематики — законодательному и теоретическому оформлению вещного права в континентально-европейском (главным образом в германском) и в англо-американском праве, а также освещению исторического развития доктрины вещного права. Особое место занимает анализ соответствующих положений Концепции развития гражданского законодательства РФ и основанных на них современных законопроектов, посвященных развитию и совершенствованию российского вещного права.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также на юристов, изучающих проблемы гражданского, в том числе вещного, права, и на тех, кто связан с их практическим применением. Она может быть использована как в преподавании гражданского права, так и в научной и законопроектной работе, а также в деятельности практикующих юристов, которым необходимы углубленные знания вещного права.

УДК 347.2/3
ББК 67.404.1

ISBN 978-5-8354-1994-4

© Суханов Е. А., 2024
© Издательство «Статут», переиздание, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Основным поводом для настоящего, нового издания данной работы послужило фактическое (но, следует надеяться, не окончательное) завершение реформы отечественного вещного права, ознаменованное принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ¹, которым Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации была дополнена двумя небольшими новыми главами (6.1 и 17.1). Однако как эти, так и другие новеллы ГК РФ, принятые в последнее десятилетие, в том числе в рамках его официального реформирования, к сожалению, не внесли каких-либо принципиальных изменений в сложившееся законодательное оформление отечественного вещного права; прежде всего они не установили развернутой, завершенной системы ограниченных вещных прав, надежда на которую связывалась с появлением соответствующих законопроектов².

В результате этого вещно-правовое регулирование в действующем российском гражданском праве по своему содержанию и оформлению и в настоящее время остается переходным от прежнего правопорядка, основанного на исключительной государственной собственности на землю (которая обусловила отсутствие потребности в полноценном вещном праве), к правопорядку рыночного типа, предусматривающему гражданский оборот земельных ресурсов как объектов недвижимости. На это принципиально важное обстоятельство автор обращал внима-

¹ СЗ РФ. № 52 (ч. I). Ст. 8989 (вступил в силу с 1 сентября 2022 г. в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 185-ФЗ (СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4586)). Ему предшествовали некоторые «точечные» изменения в ст. 8.1, 223, 234 и 302 ГК РФ, посвященные приобретению и защите права собственности на недвижимые вещи (см.: Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. I). Ст. 7482).

² См. особенно: проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», подготовленный ко второму чтению в Государственной Думе РФ рабочей группой Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и одобренный названным Советом 5 декабря 2019 г., которым была предложена новая редакция Раздела II ГК РФ, посвященного вещному праву (Экспертные заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. 2019 г.: Материалы IX Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». 24 декабря 2019 г. М.: Статут, 2019. С. 559–658 (Приложение 5 к настоящей работе)).

ние и в предыдущем издании настоящей работы. Оно обусловлено сохранением подавляющего большинства земельных и других природных ресурсов в публичной (государственной и муниципальной) собственности и нахождением в частной собственности граждан и юридических лиц лишь относительно небольшой (но притом лучшей) их части. Такая экономико-политическая ситуация составляет принципиально важную особенность современного российского национально-исторического развития, а необходимость ее последовательного отражения в законодательстве вызывает к жизни гражданско-правовые институты и конструкции, которые отличаются известным своеобразием и далеко не всегда и не во всем соответствуют классическим теоретическим воззрениям и подходам.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что развитие российского вещного права время от времени осложняется «всплесками» интереса отечественных исследователей к англо-американскому праву. В основном он был обусловлен традиционным для нынешних отечественных экономических властей стремлением к «преобразованию» национального права, прежде всего гражданского, в направлении его максимального приближения к постулатам англо-американского *Common Law* и приспособления к привлечению иностранных инвестиций, которые должны были стать основным «драйвером» экономического развития. По очевидным причинам этот подход в настоящее время утратил свою актуальность. Однако его результатами стали проведенная в 2014 г. реформа действующего корпоративного права (главным образом статуса хозяйственных обществ и их разновидностей), а также установленное еще в середине 90-х гг. прошлого века правовое регулирование рынка ценных бумаг.

Один из таких «всплесков» сопровождал последнее крупное реформирование общих положений российского обязательственного права (2013—2015 гг.), в результате которого под очередным воздействием англо-американских подходов и их отечественных последователей было осуществлено прямое и не очень удачное заимствование в наше договорно-правовое регулирование некоторых институтов *Common Law* (*indemnity, warranties, estoppel* и др.). В свою очередь эта ситуация повлекла возобновление рассуждений о целесообразности использования в отечественном гражданском, в том числе вещном, праве и других генетически чуждых ему зарубежных правовых конструкций, относящихся уже к *Law of Equity*, в первую очередь траста (*trust*). Между тем в современном континентально-европейском праве его эффективно заменяет обязательно-правовой (а не вещный) институт «довери-

тельного (фидуциарного) управления» чужим имуществом (немецкий *Treuhand*, французская и итальянская *fiducia* и т.п.). Он ясно показывает, что возникающая у многих владельцев имущества экономическая потребность в передаче его во временное управление третьим лицам юридически может выражаться в различных гражданско-правовых формах, отнюдь не сводящихся к трасту, а появляющихся на исторической почве тех или иных национальных правопорядков.

Автору настоящей работы всегда представлялось очевидным, что именно в сфере вещно-правового регулирования реальные особенности исторического развития привели к принципиальной противоположности англо-американского подхода, основывающегося на отсутствии «полноценного» права собственности частных лиц на недвижимость (земельные участки), и континентально-европейского подхода, основывающегося на различии права собственности и ограниченных вещных прав (объект которых и составляют земельные участки и другие недвижимые вещи). Активно предлагавшиеся (а точнее говоря, навязывавшиеся) в 90-е гг. прошлого века попытки смещения этих подходов и «введения в российское законодательство института траста» были отвергнуты законодателем еще при принятии части первой нового Гражданского кодекса РФ.

Однако отечественных энтузиастов траста не смутило ни данное обстоятельство, ни фактический провал попыток его введения в подавляющее большинство других континентально-европейских правопорядков (в том числе на основе использования Принципов европейского трастового права 1999 г. и Модельных правил европейского частного права (*DCFR*) 2009 г.). Более того, возникли попытки распространения традиционного вещно-правового режима на «цифровое имущество» (*digital assets*), вновь предлагающие решать появляющиеся здесь новые правовые проблемы на базе конструкций и подходов *Common Law*¹. Все это потребовало некоторых дополнений и уточнений изложенных в настоящей работе взглядов на возможности (по мнению автора, весьма ограниченные) использования опыта зарубежного правового развития в ходе совершенствования отечественного вещного права и гражданско-правового регулирования в целом.

В предыдущем издании данной книги уже дана критическая оценка действующего российского законодательства в области вещного права и освещены концептуальные предложения по его улучшению. К со-

¹ Их критику см.: Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6.

жалению, все эти оценки и предложения полностью остаются в силе и в настоящее время. Сложившееся в современном отечественном законодательстве пренебрежение классическими подходами и многовековым опытом континентально-европейского вещного права, не всегда сознательное, а нередко основанное на их незнании или неумении их использовать, во многих случаях ведет к появлению нелогичных, абсурдных ситуаций в законодательстве и правоприменительной практике, а что еще хуже – к их субъективистскому и потому несправедливому разрешению.

Вместе с тем длительное отсутствие в отечественной цивилистической науке серьезных попыток разработки теории вещного права, традиционно сводившегося к изучению одного только права собственности, после ее необходимого и неизбежного возрождения в начале 90-х годов прошлого века (в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и части первой Гражданского кодекса РФ 1994 г.) не только привело к неоправданному разнобою в принципиальных теоретических подходах, но и содействовало влиянию на нее как политэкономических воззрений (особенно в «перестроечных» законах о собственности 1990 г.), так и зарубежных, главным образом англо-американских, взглядов и концепций, которые в конце концов удивительным образом соединились в распространившейся у нас в последние годы теории «экономического анализа права» (*Law & Economics*)¹. Перечисленные обстоятельства требуют четкого теоретико-правового осмысления и объяснения, в наибольшей мере важного для серьезного обучения и фундаментальной научной подготовки новых поколений юристов, призванных работать в быстро изменяющихся социально-экономических условиях. Поэтому данной работе изначально придан в значительной мере учебно-ознакомительный, а не сугубо научный характер.

При подготовке настоящего издания из состава приложений к основному тексту исключено большинство концепций развития законодательства о вещном праве и недвижимости, утративших практическое значение (за исключением Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г. в части положений о вещных правах, некоторые из которых реализованы в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ, но главным образом составляют основу последней

¹ Подробнее об этом см., например: Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Сер. Право. 2023. № 6.

редакции законопроекта об изменениях вещного права 2019 г., остающейся невостребованной законодателем). Наряду с этим в качестве приложений в настоящее издание включены основополагающие законодательные акты о вещном праве, принятые в 1990–1991 гг.: законы «О собственности в СССР» и «О собственности в РСФСР» (1990 г.) и раздел о вещном праве Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые предшествовали части первой ГК РФ 1994 г. Сопоставительный анализ названных актов с действующим законодательством и концепциями (законопроектами) по его совершенствованию дает возможность читателю наглядно видеть процесс появления и развития отдельных законодательных понятий и конструкций современного российского вещного права, а текст последней редакции законопроекта о вещном праве (2019 г.) ясно показывает основные перспективные направления его необходимого совершенствования.

В сравнении с предыдущим изданием данной книги в ее содержании произведены некоторые уточнения и дополнения ее отдельных положений, в том числе с учетом новейшего законодательства и правоприменительной практики, а также некоторых теоретических работ при полном сохранении высказанных ранее общих позиций и принципиальных подходов. При этом автор остается уверенным в том, что рано или поздно отечественному законодателю все же придется отважиться на принципиальные изменения вещно-правового регулирования на основе положений проекта новой редакции Раздела II ГК РФ о вещном праве, разработанного и одобренного Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в 2019 г. Эти положения, основанные на классическом цивилистическом учении о вещном праве и учитывающие современные отечественные реалии, автор и надеется довести до читателя, содействуя их неизбежному воплощению в жизнь и в отечественную правоприменительную практику.

Настоящее издание данной книги автор посвящает предстоящему 270-летию юбилею своей *alma mater* – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, воспитанником которого он является и в котором проходит его уже более чем полувековая научная деятельность.

Профессор Е.А. Суханов

Москва, февраль 2024 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ [к первому изданию]

Вещное право составляет фундамент гражданско-правового регулирования, который в современном отечественном правопорядке, пользуясь строительной терминологией, до сих пор остается не только незавершенным, но в некоторых важных отношениях еще и не до конца спроектированным. С сожалением можно констатировать сохранение актуальности оценки, данной Г.Ф. Шершеневичем еще в конце XIX в.: «Рассматривая результаты сделанных исследований в области вещного права, мы должны заметить, что эта часть гражданского права менее всего разработана в современной русской литературе»¹.

В советское время вещное право как научная и законодательная категория отсутствовало; оно было сведено исключительно к праву собственности, на котором основывался тогдашний крайне обедненный и упрощенный гражданский оборот. Более того, при отпадении других вещных прав право собственности стало не только центральным, но и крайне политизированным и идеологизированным правовым институтом, основанным на фактическом отождествлении экономических отношений собственности (присвоения) и юридических положений о праве собственности. Это придало ему чужеродные черты не только политэкономического, но даже философского характера, а серьезный юридический анализ его содержания и применения вынужденно отошел на второй план и был существенно «разбавлен» политэкономическими рассуждениями, которыми изобиловали ставшие уже классическими труды С.Н. Братуся, А.В. Венедиктова, Д.М. Генкина и других корифеев советской цивилистики. К сожалению, в этом русле до сих пор следуют многие современные отечественные исследования права собственности.

Этим объясняется то обстоятельство, что предпринятая в новом гражданском законодательстве, прежде всего в Гражданском кодексе РФ 1994 г., попытка восстановления вещных прав натолкнулась на стереотипы, с одной стороны, отторгающие классические вещно-правовые подходы (что, к сожалению, характерно для многих современных отечественных доктринальных исследований), а с другой стороны, препятствующие их использованию в важнейшей сфере земельных отношений, на которую они главным образом и рассчитаны

¹ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003. С. 159.

(что наиболее характерно для Земельного кодекса РФ, который в п. 3 ст. 3 фактически превратил гражданско-правовое регулирование имущественных отношений по владению, пользованию и распоряжению земельными участками в исключительно субсидиарное, дополнительное по отношению к их публично-правовой регламентации земельным и «природоресурсным» правом).

В результате этого сложилась парадоксальная ситуация: в самой основе правового оформления развивающегося рыночного хозяйства находятся категории и представления, во многом сформировавшиеся в прежней социально-экономической системе – в условиях максимально огосударственной экономики, в том числе исключительной собственности государства на земельные ресурсы. Предложения о кардинальном реформировании сферы вещного права, закрепленные в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и в проекте новой редакции Раздела II Гражданского кодекса РФ, после их принятия Государственной Думой РФ 27 апреля 2012 г. в первом чтении в составе тогда еще единого законопроекта об изменениях ГК РФ на протяжении нескольких лет остаются без движения и по сути без какого-либо внимания законодателя. Между тем в Земельный кодекс РФ постоянно вносятся весьма серьезные поправки и изменения, в том числе касающиеся сферы гражданского права, не только не согласованные с намеченными изменениями ГК РФ, но иногда даже прямо противоречащие им¹. Тем самым искусственно консервируется ситуация, препятствующая нормальному вещно-правовому регулированию отношений по использованию земельных участков как важнейшего вида недвижимости, составляющего основу гражданского оборота.

В таких условиях необходимым становится как серьезное теоретическое осмысление давно сложившегося, но основательно подзабытого у нас учения о вещном праве, так и его систематизированное изложение, учитывающее современные отечественные реалии, в том числе активно развивающуюся правоприменительную практику, а также наиболее близкий опыт вещно-правовой регламентации, сложившейся в высокоразвитых правовых порядках европейского континентального (прежде всего пандектного) типа. В связи с этим необходимо отметить,

¹ Очередные «порции» таких кардинальных изменений в ЗК РФ были приняты Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ (СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4218), т.е. спустя более двух лет после принятия Госдумой РФ в первом чтении законопроекта о новой редакции ГК РФ, что ясно показывает пренебрежительное отношение отечественного законодателя к предполагаемой реформе вещного права.

что в последние годы в российской цивилистической науке появились глубокие монографические исследования проблем вещного права, в том числе посвященные ограниченным вещным правам и правовому режиму недвижимости (в частности, работы И.А. Емелькиной, А.В. Копылова, А.Д. Рудокваса, С.А. Сеницына, К.И. Скловского, В.В. Чубарова и других ученых), а также ряд серьезных аналитических статей по этой проблематике, в том числе подготовленных молодыми авторами. Это дает основания для оптимистической оценки перспектив развития учения о вещном праве в отечественной цивилистике.

Автор настоящей работы не может поэтому разделить уничтожающие оценки В.А. Белова, данные им в учебном пособии (!) по вещному праву, как нынешней российской цивилистике в целом, так и ее исследованиям в области вещного права: сформулировав в достаточно резких выражениях свое общее критическое отношение ко всей современной цивилистической литературе, названный автор начал затем даже «подозревать современную цивилистику то ли в мошенничестве, то ли в импотенции»¹. Сделанное им при этом изъятие для трудов автора настоящей работы и его коллег по кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова далее вполне «компенсировано» их беспощадной критикой. Это заставляет вспомнить хрестоматийную и не менее убийственную характеристику, данную гоголевским Собакевичем «элите» губернского города NN: «Я их знаю всех; это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья». Очевидно, что подобного рода публичные оценки не только далеки от действительности, но в значительной мере характеризуют и самого их автора.

Стоит обратить внимание и на то, что в ходе обсуждения содержащихся в Концепции развития гражданского законодательства РФ и в проекте новой редакции ГК РФ предложений по кардинальному обновлению российского вещного права как в профессиональных юридических кругах, так и в предпринимательском сообществе и в некоторых министерствах возникло немало вопросов относительно целесообразности этих нововведений, особенно защиты фактического владения и системы ограниченных вещных прав, включающей право застройки. Высказывались прямые и завуалированные сомнения в не-

¹ Белов В.А. Очерки вещного права: научно-poleмические заметки: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. С. 8–12.

обходимости «рецепции» в российский правопорядок «германской системы» вещного права и сожаления относительно невозможности заимствования гораздо более «простых» и «удобных» институтов английского права, которое якобы столь «удачно», хотя и весьма ограничено, было использовано при модернизации общих норм ГК РФ о договорном праве.

Несомненно, что для развивающегося российского права важное значение приобретает сравнительно-правовое изучение опыта зарубежных правопорядков. Исторически («генетически») наиболее близким из них является германское гражданское право, в котором родилась и успешно развивалась сама категория вещных прав и ее научное обоснование, во многом воспринятые еще дореволюционным российским правом. Ставшие теперь модными у некоторых отечественных юристов разговоры о неких заведомых «преимуществах» англо-американского права в сравнении с европейским континентальным (и уж во всяком случае с российским) правом в отношении вещного права несколько поутихли в связи с крайне неудачными попытками «внедрения», или «введения», в отечественное гражданское законодательство института траста (хотя энтузиасты этого подхода не оставляют попыток ввести в российское право институт «бенефициарного владения» хотя бы для рынка ценных бумаг и банковской сферы).

Следовательно, при определении путей развития российского гражданского права и его отдельных институтов и подотраслей необходимы знание и понимание основ их правового оформления в различных правовых системах, позволяющие сделать объективные выводы о целесообразности использования тех или иных подходов. Поэтому в настоящей работе значительное место отведено освещению гражданско-правового регулирования вещных отношений в зарубежном праве, включая его доктринальное осмысление. Сравнительно-правовой анализ представляется неизбежным в современных условиях, когда национально-правовое развитие в силу многих причин не может осуществляться изолированно, как это имело место в предшествующем отечественном правопорядке.

Вместе с тем настоящая книга представляет собой определенный итог многолетней работы автора в области вещного права, начавшейся с публикаций, посвященных союзному и российскому законам о собственности 1990 г.¹ Автору довелось принимать непосредственное

¹ См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991; *Он же*. Российский закон о собственности: Научно-практический комментарий. М.: БЕК, 1993.

участие в разработке этих законов, положивших начало кардинальному реформированию российского гражданского права. Затем последовала деятельность в рабочих группах по созданию Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и части первой Гражданского кодекса РФ 1994 г., закрепивших первые результаты работы над новым гражданским правом современной России. После этого автор участвовал в деятельности рабочих групп, созданных Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства для разработки Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе 2003 г. и Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г., которые наметили пути необходимого развития и совершенствования отечественного вещного права. Автор был участником основной рабочей группы по разработке проекта новой редакции Гражданского кодекса РФ (2010–2012 гг.) и сводной рабочей группы по обсуждению поправок и предложений, поступивших после принятия этого законопроекта Государственной Думой РФ в первом чтении.

Участие в этой законопроектной работе дало возможность наглядно проследить эволюцию законодательных подходов к вещно-правовому регулированию в развивающемся российском праве и достаточно адекватно оценить его содержание исходя не только из собственных теоретических воззрений (что свойственно многим современным доктринальным исследованиям в рассматриваемой области). Работа в перечисленных группах и постоянное общение с их участниками – выдающимися представителями отечественной цивилистики (в числе которых необходимо назвать А.Л. Маковского, Г.Е. Авилова, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, В.А. Дозорцева, Г.Д. Голубова, Ю.Х. Калмыкова, С.А. Хохлова, В.Ф. Яковлева и других членов Совета Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ), которых автор всегда вспоминает с неизменной признательностью, стали основным источником его творческих усилий и в наибольшей мере способствовали формированию развиваемых им взглядов и подходов относительно вещного права, которые ему удается воплотить в научной и учебной литературе.

Поскольку данная работа носит научно-познавательный характер, полезным представляется ознакомление читателя с упомянутыми выше концепциями развития законодательства и подготовленным на их основе вариантом проекта новой редакции Раздела II ГК РФ о вещном праве (подготовленным для планировавшегося ранее второго чтения в Государственной Думе РФ), тексты которых приводятся в конце

настоящей книги. Автор уверен в неизбежности законодательного закрепления (в том или ином виде) основных идей этого законопроекта, поскольку им оформляется подход, основанный на многолетнем отечественном и зарубежном опыте и вполне отвечающий как современным, так и формирующимся потребностям правового и экономического развития страны. Поэтому его основные положения, определяющие главный вектор законодательного развития в этой важнейшей сфере общественных отношений, в необходимой мере использованы и отчасти прокомментированы в настоящей работе.

Автор надеется на использование этой книги в учебном процессе юридических вузов при подготовке бакалавров, магистров и аспирантов в области гражданского (частного) права, а также при изучении и дальнейшей разработке проблем вещного права юристами, занимающимися как научными исследованиями, так и правоприменительной практикой.

Профессор Е.А. Суханов

Москва, август 2016 г.

РАЗДЕЛ I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЕЩНОМ ПРАВЕ

ГЛАВА 1. ВЕЩНОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

§ 1. Вещное право в системе гражданского права

1. Вещное право как подотрасль гражданского права

Экономические отношения присвоения различных материальных и нематериальных благ (товаров) и обмена ими по необходимости приобретают правовую, прежде всего гражданско-правовую (частно-правовую), форму. При этом частное право, призванное юридически оформлять и закреплять названные отношения, за многовековой период своего существования и развития выработало определенную систему гражданско-правовых режимов, содержание и специфика которых предопределяются двумя главными факторами: характером объекта (предмета) указанных экономических отношений и национально-историческими особенностями развития конкретного правопорядка.

Первый из названных факторов привел к постепенному обособлению четырех основных гражданско-правовых режимов: вещного права, обязательственного права, корпоративного права, интеллектуальных прав («интеллектуальной собственности»); второй — к формированию двух основных типов правопорядков: континентально-европейских (в которых в том или ином виде сложились указанные четыре гражданско-правовых режима) и англо-американских, в которых *такая* дифференциация отсутствует (но различаются правовые режимы различных видов имущества — *real property*, *personal property*, *intellectual property* и др.). В результате этого институт (подотрасль) вещного права известен лишь правопорядкам континентально-европейского типа, что принципиально исключает возможность взаимного использования имеющегося опыта правового развития и тем более прямого переноса (рецепции) институтов англо-американского *Common Law* в европейское (в том числе российское) гражданское право (с чем после многообразных заимствований *Common Law* в российское законодательство, осуществленных начиная с 90-х гг. прошлого века, до сих

пор не в состоянии примириться многие современные отечественные экономисты и юристы¹).

В течение более чем двух тысячелетий главный «экономический актив» (а выражаясь юридически, объект гражданского оборота) составляют вещи – физически осязаемые предметы, основной правовой формой присвоения которых является право собственности. Давно предложенное Гаем деление вещей на телесные и нетелесные (*res corporales* и *res incorporales*)² по сути стало первой попыткой выделения среди объектов частного права имущественных прав («нетелесных вещей»), на которые невозможно установить вещное право собственности. Но оборот самих имущественных прав на вещи как самостоятельных нематериальных объектов в виде сделок цессии и оборота ценных бумаг как «овеществленных прав» развился лишь в XIX в. Поскольку передача прав от одних лиц к другим и защита интересов их приобретателей происходит по иным правилам, нежели передача (отчуждение) и приобретение вещей, возник и новый, особый гражданско-правовой режим обязательственных прав.

В это же время активными участниками гражданского оборота становятся компании и другие юридические лица – «виртуальные» субъекты права, среди которых преобладают корпоративные объединения – товарищества как объединения лиц (*universitas personarum*), а затем и общества как объединения имуществ (*universitas bonorum*). Взаимоотношения их участников со своими корпорациями и друг с другом невозможно рассматривать ни как вещные, ни как обязательственные, что потребовало их квалификации в качестве особых, корпоративных правоотношений (прав). По меткому замечанию О. ф. Гирке, «от всех остальных частных прав они отличаются тем, что здесь лица мыслятся не рядом друг с другом, но *одно в другом*»³.

¹ Между тем еще выдающийся дореволюционный правовед и государственный деятель К.П. Победоносцев, характеризуя реформы Петра I, справедливо указал, что «много в то время заимствовали мы от Запада, но при этом заимствовании, казавшемся необходимым в тогдашнем политическом положении России, довольствовались по большей части только наружной формой, увлекаясь ею, как увлекаются все живые, но еще не созревшие умы, и при быстроте заимствования, конечно, не в состоянии были вместе с формой усвоить себе, перенести на свою почву и то живое историческое начало, из которого развилась и выросла на западной почве та или другая прельстившая нас форма» (см.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 334 (Классика российской цивилистики)).

² См.: Институции Гая. Кн. 2. § 12–14 // *Гай.* Институции. Кн. 1–4 / Пер. Ф. Дыдынского; Под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997. С. 87.

³ Цит. по: *Хвостов В.М.* Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996. С. 66.

Наконец, в XIX в. начал развиваться рынок интеллектуальных продуктов и прав пользования ими (юридически речь идет как о результатах творческой деятельности, так и о приравненных к ним по правовой охране средств индивидуализации товаров и их производителей), который вынудил перейти от примитивного, вещного понимания их принадлежности как «интеллектуальной собственности» к созданию новой категории гражданских прав – интеллектуальных прав. Их имущественная составляющая стала новым объектом гражданского оборота, что также потребовало особого правового оформления (режима).

В результате в XX в. в континентально-европейском частном праве сложилась современная система имущественных прав, юридически оформляющих экономическое присвоение различных объектов товарного (гражданского) оборота, которая характеризуется четырьмя основными гражданско-правовыми режимами, учитывающими реальные особенности «хозяйственного господства» над разнообразными видами имущества (объектами гражданских прав). В ней отразилась объективная необходимость *дифференциации гражданско-правовых режимов*, давно и далеко вышедших за рамки правового оформления традиционно понимаемой «собственности» (и соответствующего ей права собственности как основного имущественного права). Ее появление и развитие обусловлено постоянным и все ускоряющимся социально-экономическим и техническим развитием общества.

Таким образом, вещное право в континентально-европейском правовом порядке – одна из главных подотраслей гражданского (частного) права, которая охватывает нормы о правах конкретных лиц на вещи – традиционные и наиболее распространенные объекты гражданских правоотношений. Возникающие на основе этих норм субъективные вещные права оформляют и закрепляют *принадлежность вещей* (материальных, телесных объектов) субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений, регулируемых гражданским правом. Этим они отличаются от обязательственных прав, оформляющих переход как вещей, так и иных объектов гражданских правоотношений от одних их участников (субъектов) к другим (динамику имущественных отношений, т.е. собственно гражданский оборот), а также от исключительных прав, имеющих объектом не вещи, а нематериальные результаты творческой деятельности либо средства индивидуализации товаров и их производителей.

Установление прав конкретных лиц на вещи как основные, главные объекты экономической деятельности составляет важнейшее условие функционирования всякого хозяйства, основанного на началах

свободного товарообмена. В рамках такого хозяйства одни лица присваивают те или иные вещи, относясь к ним как к своим, а для всех других лиц эти вещи становятся чужими. Нормы о вещных правах закрепляют эти фактические (экономические) отношения, придавая им общеобязательное, юридическое (прежде всего гражданско-правовое) значение. Поэтому субъективное вещное право, включая право собственности, как отмечал И.А. Покровский, «отнюдь не является для человечества исконным и, так сказать, прирожденным: оно создано с трудом путем медленного исторического процесса. Оно было одним из первых требований развивающейся личности, и создание его явилось в реальной исторической обстановке прошлого важнейшей победой для этой последней»¹, обеспечив материальную основу для всей ее деятельности.

Фактические (экономические) отношения присвоения обычно рассматриваются как отношения собственности на вещи и иные результаты человеческой деятельности. С помощью различных имущественных, прежде всего вещных, прав они получают *юридическое* оформление. Типичным правом такого вида является право собственности на вещь, которое становится основным, хотя и далеко не единственным вещным правом. Ведь одним правом собственности, по словам И.А. Покровского, «мог бы удовлетвориться только разве самый примитивный экономический быт»². Таковым, например, был феодальный порядок землепользования, юридически оформлявшийся путем признания нескольких «прав собственности» разных лиц (обычно сюзерена и его вассала) на один и тот же земельный участок. Ситуация «расщепления» права собственности на один объект между разными лицами создавала неизбежные затруднения в реализации этих прав и свидетельствовала об их фактически неодинаковом, различном характере (содержании).

Хозяйственное развитие неизбежно требовало и иных юридических форм, которые обеспечивали бы экономически необходимое и вместе с тем юридически прочно защищенное участие одного лица в праве собственности другого лица на такие важные виды вещей, как земельные участки (недвижимость). Ведь созданная самой природой *естественная ограниченность* объектов земельной собственности в сочетании с монополией их частных собственников постепенно стала

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 192 (Классика российской цивилистики).

² Там же. С. 207.

препятствием для их широкого хозяйственного использования. Поэтому с развитием и усложнением товарного хозяйства в континентальной Европе была единодушно отвергнута обоснованная глоссаторами и постглоссаторами для времен феодализма идея «разделенной», или «расщепленной», собственности. Она получила здесь замену в виде разработанной германскими пандектистами в XVIII–XIX вв. теории *ограниченных вещных прав*, объектами которых стали земельные участки (в других правопорядках и иные недвижимые вещи).

Вещные права неизвестны англо-американской правовой системе, которая, следуя собственным историческим традициям, выработала особую систему имущественных прав на вещи, в частности исключаящую право собственности частных лиц на земельные участки как недвижимые вещи. Это принципиально различное юридическое оформление однородных экономических отношений в европейской континентальной и в англо-американской правовых системах вновь подтверждает тот непреложный факт, что национальное право, в том числе гражданское, является прежде всего продуктом *национального* исторического и культурного развития соответствующего государства, неизбежно составляющего пределы межгосударственного сближения и тем более унификации различных правовых систем.

Таким образом, вещное право становится самостоятельным разделом (подотраслью) гражданского права лишь в континентальном европейском праве. При этом необходимо также учитывать, что в его романской (французской) ветви вещное право с точки зрения систематизации фактически поглощает обязательственное право, поскольку обязательства традиционно рассматриваются здесь в качестве одного из главных способов (оснований) приобретения права собственности на вещи. Эта традиция берет начало в римско-правовой системе «Институций» Гая¹, которая была воспроизведена одной из первых европейских кодификаций гражданского (частного) права — французским Гражданским кодексом (*Code civil*) 1804 г. и тем самым составила основу систематики всей романской ветви европейского континентального права.

¹ Лат. *Institutiones* (ок. 160 г. н.э.) — «Наставления», или «Начала науки», Гая формально делились на четыре книги, но фактически состояли из трех основных разделов, посвященных соответственно лицам, вещам и искам (в их третьей книге говорилось о наследовании и о некоторых обязательствах как основаниях возникновения права собственности на вещи); впоследствии они стали частью кодификации Юстиниана (см.: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997).

Выделение обязательственного права из вещного последовало в начале XIX в. в пандектной (германской) системе гражданского права, предложенной Г.А. Хайсе¹. Законодательно оно впервые было закреплено в Саксонском гражданском уложении 1863 г., а затем в Германском гражданском уложении (*Bürgerliches Gesetzbuch* – *BGB*) 1896 г. С этого времени появилась и необходимость разграничения предметов регулирования вещно-правовых и обязательственно-правовых норм. Последние имеют объектами не только вещи, но и многие другие материальные и нематериальные блага (например, различные имущественные права, услуги и работы, их овеществленные и неовеществленные результаты и др.), а главное – служат оформлению отношений гражданского оборота, т.е. перехода, а не принадлежности различных объектов гражданских прав.

В дальнейшем на этой основе в германской пандектистике родилось основополагающее разделение субъективных имущественных гражданских прав на «права господства» над вещами (*Herrschaftsrechte*) и «права требования» к владельцам вещей (*Förderungsrechte*). Оно было воспринято и дореволюционной отечественной цивилистикой, которая исходила из того, что «вещные права мыслимы только по отношению к предметам, имеющим телесную субстанцию. То, что такой субстанции не имеет, вообще говоря, не может быть объектом вещного права»².

Последовавшее в XIX–XX вв. постепенное обособление «права интеллектуальной собственности» (интеллектуальных прав) сделало актуальным вопрос о соотношении вещного и интеллектуального права (тем более что господствовавшая еще в XIX в. «проприетарная» концепция «интеллектуальной собственности» до сих пор находит сторонников). Этот вопрос сравнительно легко решается с помощью «объектного критерия» – вещное право имеет объектом индивидуально-определенные материальные предметы (вещи), тогда как объектом интеллектуальных прав являются нематериальные результаты

¹ Георг Арнольд Хайсе (*Georg Arnold Heise*, 1778–1851) был профессором Университета им. Карла Рупрехта в Гейдельберге. В данном случае речь идет о его знаменитой работе «Основы системы общего гражданского права для нужд лекций по пандектистике» (Гейдельберг, 1807) (*Grundriss eines Systems des gemeinen Civilrechts zum Behuf von Pandecten-Vorlesungen*. Heidelberg, 1807), в которой им была предложена новая (в сравнении с институционной) система гражданского (частного) права, основанная на выделении из вещного права обязательственного и наследственного права и обособлении Общей части гражданского (частного) права; это и стало основными чертами классической пандектной системы.

² Хвостов В.М. Система римского права. С. 223.

творческой деятельности и приравненные к ним по правовому режиму средства индивидуализации товаров и их производителей (ср. п. 4 ст. 129, ст. 1225 и 1227 ГК РФ).

Что касается другой обособившейся в это же время подотрасли гражданского права – корпоративного права, то его соотношение с вещным правом также предопределяется различиями в правовой природе их объектов. Принадлежащие юридическим лицам вещи составляют объект их права собственности, поэтому в связи с их принадлежностью корпорациям возникают вещно-правовые отношения. Однако доли и (или) паи участников корпораций в имуществе последних (в том числе выраженные бездокументарными акциями), как и вытекающие из них корпоративные права и обязанности, безусловно, не являются вещами и потому не могут быть объектами вещных прав, в том числе права собственности. Следовательно, в связи с принадлежностью долей (паев) конкретным лицам возникают не вещные, а корпоративные правоотношения. В этом проявляется один из основополагающих принципов корпоративного права – «принцип отделения» (*Trennungsprinzip*) имущества корпораций от имущества их участников, в силу которого последние не могут быть собственниками имущества этих юридических лиц, приобретая на него корпоративные, а не вещные права.

В современной литературе отмечается тенденция к увеличению числа объектов права собственности (и, следовательно, вещных прав в целом) за счет включения в их число наряду с традиционными вещами различных невещественных (нематериальных) объектов («бес-телесного имущества»), например, бездокументарных ценных бумаг, клиентеллы, патентов и ноу-хау и т.п.¹ Такой подход наиболее распространен в конституционно-правовых (публичных) исследованиях, где экономическая категория «собственность» нередко используется как синоним широко понимаемого права собственности (присвоения имущества), абстрагируемого от его гражданско-правовой (вещной) юридической природы.

В последнее время появились также необоснованные попытки применения режима вещных прав к новым объектам гражданского оборота, появляющимся в условиях развития цифровизации и расширения использования разнообразных IT-технологий, в частности

¹ См., например: Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. А. С. Комаров, А. А. Костин, О. Н. Зименкова, Е. В. Вершинина. Т. 1: Общая часть. М.: Статут, 2019. С. 338–339 (автор главы – О. М. Козырь).